

Александр ЛИВЕНЦОВ

ДЕТАЛЬНАЯ НЕДОСКАЗАННОСТЬ

Юлия Лукшина. *Сухое плавание*. – М.: Стеклограф, 2021. – 196 с.

Юлия Лукшина – автор журналов «Новый мир», «Знамя», «Новый берег», соавтор нон-фикшн книги о популярном ныне выгорании «Уйти нельзя остаться», сценарист (лауреат премии «Золотой орёл», 2017; автор сценария к фильму «Человек из Подольска» по одноименной пьесе Дмитрия Данилова), драматург (финалист конкурсов «Любимовка», 2016, 2019). Но читателю это имя по-прежнему мало знакомо, он, возможно, и предоставит автору шанс, прочитав страничку, от силы две: не успеешь заинтересовать – извини, автор, становись на полку.

Плюс «Сухого плавания» уже в том, что оно не жаждет оглушить с первых страниц (обычно холостые выстрелы), не торопится с интригой, не даёт броского героя. Темп ровный, какой берёт спортсмен, зная, что бежать долго; язык не старается быть богаче, чем есть, и без груза лишних перечислений. *«Вчера Кевин отпраздновал день рождения в баре у дома... На утро в голове шумело так, как будто там пылесосили»* – кратко, убедительно; *«...редкие постройки были ошибкой, помехой на фоне скупых природных линий. Природа стремилась остаться в своей первозданной угрюмости, а сюда всё равно зачем-то зашвырнула горстку домов»* – всё живое, у всего есть причина.

Органично – настолько, что не сразу замечаешь, – происходят смены точек зрения. Книгу открывает повесть «Хрустальный дом», где из главы в главу повествование меняет угол обзора: то от третьего лица, чтобы мы поочередно заглянули в каждого персонажа, то от второго, а в последней главе («Зоя») герой с читателем, что называется, на ты. Вкупе эти смещения фокуса дают эффект, будто держишь на ладони стеклянный шар с игрушечным домом внутри под медленным игрушечным снегом – и подносишь этот шар к глазам ближе и ближе.

Герои прозы Лукшиной – люди, которых, кажется, знал по прошлой жизни. Они сразу понятны. Не думаю, что так можно сказать про всякую удачную книгу; зачастую персонажи бестселлеров в тени сюжета, их лица смазаны, несмотря на громкие монологи и смелость принимать решения. В «Сухом плавании» повествованию вполне хватает и поворотов, и редких стечений обстоятельств, при которых герои одного рассказа встречаются в следующем уже годы спустя и на другом континенте, а итогом встречи становятся пепелище на месте усадьбы, построенной двумя главами до того, век назад («Круглый стол»). Виражей хватает, но я уверен, что читатель отметит персонажей – близких, точно родня, с живой речью, которую слышишь, пока взгляд бежит по строке. *«Баба Нюр, ты уж не подведи нас. Мы край дотационный, нам рабочие места нужны...»* Вот, готов деятельный мужичок, такому дай – горы свернёт; спускаешься строкой ниже, и отпадают всякие сомнения: *«У нас таджики в низком старте. Лес почистим, парк облагородим...»*

У хорошо очерченных героев запоминаются имена, не приходится листать назад, отыскивать место, где очередного «Сан Саныча» ввели в текст. Имена персонажей «Хрустального дома» держатся в уме, точно сам их и выбрал из множества: Артевьев, Елена Дмитриевна, Кевин, Барбара, Савва... Закрываю глаза, смотрю в их лица. Почти всегда это люди в кризисе, что-то в них ломается, идёт трещинами, большей частью они недовольны собой, и эту досаду невольно примеряешь на себя. *«Вчера подслушал, как тёща говорит дочери: – Да он простых вещей устроить не может. – И ещё раз повторила с удовольствием: – Не справляется с элементарными задачами, понимаешь?»*

Я и голос тёщи слышу, и ловлю противный холодок внутри или жар обиды – кому как ближе – бедолаги мужа, неспособного устроить «простые вещи».

Даже дети на страницах книги подмечают за собой нечто новое, неловкое, неудобное – первую любовь, первое желание, от которого только и можно что бежать без оглядки («В руине»). Спустя годы после этого побега герои встречаются чужими людьми, но желание не гаснет – преобразается: *«...придётся сейчас подойти, сломать их разговор, вклиниться, сообщить ей о смерти матери, потом долго говорить про разное... А он бы лучше сел в оранжерею и ждал Ольгу там. Столько, сколько понадобится».*

Проза Лукшиной полна нюансов. У автора «Сухого плавания» редкий дар говорить о большом через малое. Вот, герой забыл паспорт в номере гостиницы, вот выпвел и потускнел полароидный снимок, или рассыпались бусы, с тяжёлым стуком покатались по лестнице – всё это вращает шестерёнки сюжета. Наконец, героиню не узнаёт человек из прошлого – мимолётное знакомство, царапнувшее душу тогда и причинившее боль снова; у каждого есть эти микро-драмы, которые болят через всю жизнь, отчасти на них и строится книга. Даже разрыв семейной пары ужимается до крошечного, точно скальпелем сделанного, надреза по двум судьбам: *«Через месяц муж защитился. На вечеринке он весело чокался с научным руководителем, долго тряс его руку. Ещё через две недели она одна вернулась в Москву и, защитив диплом...»*

Особую роль в почерке Лукшиной ведёт недосказанность. Речь не о сюжетных линиях с концами, спешно опущенными в воду, не о героях убитых, поскольку не придумалась толковая развязка. Когда увольняетесь с места, где проработали десяток лет, или продаёте квартиру, в которой выросли, и последний раз запираете дверь, чтобы спуститься к полному под завязку грузовику – эта пустота внутри, многослойная, со вкусом, с цветом и запахом – она даёт «Сухому плаванию» второй план. *«Одиночество – это, значит, вот как. В сущности, хорошо. Как в спичечном коробке».*

Аналогии с другими писателями не напрашиваются, но, если задаться целью выявить чей-то след – продолжение довлатовской линии выглядит самым уместным: понятные и вместе с тем извилистые судьбы на ландшафте привычной, бытовой жизни. Но нет – другое настроение, другое построение. Проза Лукшиной суше, севернее, а порой и более жестокая. Можно усмотреть интонации Толстой: кружево деталей, образный язык, своя, с поправкой на общие правила, пунктуация – но и тут иное ощущение: свежее, прорисованное быстрыми летящими мазками. Улицкая – нет, даже близко. Петрушевская – тоже мимо. Возможно, есть что-то от манеры Крусанова, поскольку «Сухое плавание» не лишено приёмов магического реализма, о чём чуть ниже – но и тут я обману, Крусанов повелевает своими героями, а Лукшина с ними соседствует, мирится, уж какие уродились. Странно, но если брать послевкусие, самым близким автором мне показался Гайто Газданов, хотя по форме одни различия – его слог куда гуще, ложится большим объёмом, долго оседает; но именно в его романах я вижу эту заботу о герое, участие в его изломанной, обычно недолгой судьбе.

Стежки магического реализма встречаются регулярно, но нет той массовой доли, когда книгу можно отнести к жанру. Так это выглядит в тексте: *«Видел лошадь только он. Ни дети, ни Татьяна, ни свекровь её не замечали. Один раз свекровь по двору шла, лошадиный круп своим задела. Обе не заметили. Как в кино про призраков».* Иллюзорный мир присутствует в большинстве рассказов, и первые его появления неожиданны, полупрозрачны, вступают словно курьёз, который вот-вот разрешится, но с развитием истории всё меньше нуждается в объяснениях. Русалка или призраки на фотографиях такие же правомерные «жилыцы» прозы Лукшиной, как фотограф из Америки, как отец семейства, неудачно купивший дачу, или доживающая свой век баба Нюра (она же, будучи представителем «реальных героев», дожив свой век в одной главе, благополучно возвращается ещё через три, точно цыган Мелькиадес у Маркеса, тоже утонувший в реке, как и баба Нюра).

И даже фантастика рассказа «Зоя» (последняя глава повести), взгляд в будущее, с сопутствующими голограммами, коптерами и летающими челноками, похожими на новогодние шары – всё это уложено под полотно текста, чтобы служить опорой, а на поверхности люди, страхи, надежды. Я полагаю, многие любители фантастики разочаруются, не найдя привычной начинки, упрекнут Лукшину – мол, подразнила и сунула социальную боль, раскрасив для вида красками жанра. И даже финальное: *«Земли, к слову, больше нет»* – кратко, ёмко, без лишней мифологии и объяснений, как постскриптум – их не впечатлит. Меня впечатлило.

Теперь непосредственно к оглавлению, что, вероятно, опытный рецензент сделал бы в первую очередь. По структуре повесть «Хрустальный дом» – это семейство (неуместное слово, но просится, даже хочется сказать «круг») рассказов, со сквозным мотивом, который одни и те же герои отыгрывают из главы в главу, приближая финал. История охватывает два века. Главным образом описываются наши дни, но сюжет отступает на сто лет назад и на столько же заглядывает вперёд – причём корпус действующих лиц на удивление небольшой и умело сохраняется. Каждая из глав самодостаточна, её можно вычленивать и читать независимо от предыстории, но и вся повесть целиком выдержана по канону завязка – развитие – кульминация: не лишайте себя комплексного удовольствия, читайте полностью.

Из рассказов выделяю: «Копыто», «Мёртвую лису», «Звонки со станции», «Туман», «Воду», «Гусеницу» и собственно «Сухое плавание», давшее название сборнику. Почти всё и перечислил, но не знаю, где убавить. Рассказы схожи по настроению с повестью, однако в них больше модернизма, они смелее, и каждый в своей локации хоть ненадолго, но погружается глубже. Даже их стилистика отличается: темп быстрее, слог короче, и написано с расчётом на опытного читателя. Удачное решение разместить рассказы вслед за повестью, где они расширяют рамки, уже заложенные «Хрустальным домом», добавляют граней, углов, строят новые этажи.

Напоследок пара слова о оформлении. Фотография Сергея Сапожникова хороша сама по себе, но на обложке «Сухого плавания» действительно уместна – этот лестничный пролёт, как малая часть большого, спуск для кого-то, а для другого подъём, лучше слов передаёт тон текста. Пока читаешь, так и кажется, что подсматриваешь за героями через замочную скважину; а по прочтении возникает сытость, как от долгого разговора, словно забрёл по этой лестнице к новому человеку, толковому, не пустому. Хочется верить, что книга не залежится на полках, выйдет вторым тиражом, заглянет в шорт-листы. Желаю ей протиснуться сквозь натиск изданий, а читателю, капризному во все времена, разглядеть её.